

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-64-76>

УДК 008:316.34/35 + 316.7

ББК 71.0

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under the
Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. Е.А. Благородова
г. Ростов-на-Дону, Россия

КУЛЬТУРА УЧАСТИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00134

(URL: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>)

«СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ
В ПОСТПАНДЕМИЧЕСКИЙ ПЕРИОД» в Южном федеральном университете

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме старения, которое рассматривается не как биологический, а как социокультурный процесс. Целью данной статьи является рассмотрение старости как некоего пограничного состояния, в котором возрастает роль процесса идентификации. В статье рассматривается влияние культуры на идентичность и формирование различного отношения к старости в дальнейшем. Сравнивая западные и восточные культуры, автор показывает, что разница в культурных архетипах также отражается на понимании понятия старение и лежит в основе многих проблем, возникающих в пожилом возрасте. В статье показано, что не только молодой, но и пожилой человек сталкивается с кризисом идентичности. Культурный контекст, гендер, место жительства, семья, характер работы влияют на наличие и глубину этого кризиса и, как следствие, на саму активность человека в старости. Анализ современных концепций «активного старения» показывает необходимость дальнейшего рассмотрения и изучения данной проблематики в новом свете. Автор касается вопроса формирования идентичности «жертвы» как одной из форм проявления эйджизма в современной префигуративной (М. Мид) культуре. Делается вывод, что культура участия может выступать как инструмент, способный помочь пожилым людям выразить и сохранить свою идентичность, а также избежать кризиса и формирования идентичности жертвы. Авторы рассматривают культуру участия как возможность быть вкладчиком и творцом культуры, а не только ее потребителем. Данная статья является первой частью научного исследования и носит теоретический характер.

Ключевые слова: старение, пожилые люди, культура, культура участия, культурная вовлеченность, идентичность, кризис идентичности, эйджизм, идентичность жертвы.

Информация об авторе: Елена Александровна Благородова — кандидат философских наук, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет, пер. Днепроvский, д. 116, 344064 г. Ростов-на-Дону, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-2795>

Email: eablagorodova@sfedu.ru

Дата поступления статьи: 05.06.2023

Дата одобрения рецензентами: 14.03.2024

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: *Благородова Е.А.* Культура участия пожилых людей как способ выражения и сохранения идентичности // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 64–76. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-64-76>

Введение

С начала нового тысячелетия старение стало серьезной социально-демографической проблемой. Увеличение численности людей старшего возраста и связанный с этим рост государственных расходов на эту группу населения привели к появлению международного интереса к вопросам, связанным с повышением удовлетворенности жизнью в пожилом возрасте [15]. А сама проблема старения стала предметом междисциплинарных исследований.

Старение — это не только биологический процесс, но и социальный, и культурный в том числе [22]. Стоит отметить, что трактовки понятия «старение» отличаются в разных культурах. Даже возраст, в котором человека можно считать пожилым, различается во всем мире [22]. Кроме того, само отношение к пожилым людям, к их роли и месту в жизни общества, также имеет разный смысл и содержание в зависимости от культурного контекста.

Концепция активного старения («active aging»), сформулированная в Европе в 2002 г., является одной из основных в последние десятилетия. Россия, как и западные страны, старается интегрировать данный принцип в свою национальную политику [1]. Активность понимается через призму социальной и культурной вовлеченности, а сама концепция призвана решать проблему социального исключения, делая пожилых людей ресурсом для развития общества [1]. Но тем не менее, сама концепция поставила под сомнение «понимание труда, возраста и себя» [1, с. 189].

На самом деле старение представляет собой некий переходный период, в котором происходит масса метаморфоз. Они касаются не только изменений в организации повседневной жизни человека, но и внутренних преобразований, связанных с процессами идентификации.

Работы антропологов, социологов, культурологов разных стран раскрывали роль культурных норм и практик, участвующих в развитии идентичности. Но эти работы были сосредоточены на ранних годах жизни человека, освещая проблемы детского и юношеского периодов. Недостаточное внимание в научной литературе уделялось вопросу о том, как культура продолжает влиять на идентичность и поведение человека в пожилом возрасте, а также авторы не касались вопроса сохранения идентичности в старости [10]. Тем не менее, именно старение представляет собой сложный переходный период, для которого проблема кризиса идентичности является наиболее актуальной.

Старость все еще недооценивается обществом, и это ограничивает пожилых людей в том, что касается их возможностей, перемен и личностного роста.

В свою очередь эйджизм, то есть предвзятое отношение к человеку из-за его пожилого возраста (степень развития которого также зависит от культуры), формирует новый тип идентичности пожилых людей — идентичность жертвы.

Представление об идентичности и старении в разных культурах

Сегодня в западных обществах большое значение придается независимой идентичности. «Я» рассматривается как отдельное от других таких же «Я» [11]. Люди в таких культурах ценят личную автономию и уникальность с рождения, через взаимодействие со своими родителями [9]. Они поддерживают определенный уровень социальной дистанции и поощряют выражение личностных позиций и активности своих детей. Получая образование, такие люди изначально направляются в сторону исследования и поиска. Таким образом, господствующие моральные принципы делают акцент на правах каждого человека, а социальные обязанности и обязательства рассматриваются как вопрос индивидуального выбора каждого человека [11].

Такие культуры, как правило, ориентированы на молодежь. Скорее всего такой подход связан с протестантскими ценностями, которые связывают значимость человека с его способностью работать и быть активным членом общества [19]. В связи с этим пожилому человеку в такой культуре нужно тоже оставаться активным, чтобы быть полноценным членом общества.

В восточных обществах существует противоположный взгляд на себя как на взаимозависимого с другими в социальных отношениях. Самость концептуализируется как неотъемлемо связанная с другими [11]. В этой модели социальные отношения являются основным контекстом, в котором определяется идентичность. В таких культурах люди с детства учатся видеть себя встроенными в социальные единицы [8]. Потребности группы стоят над собственными потребностями, а следование нормам и ценностям, принятым в культуре, является обязательным. Получая образование, такие люди закрепляют догматическое мышление. В культурах, основанных на конфуцианских ценностях, к старению относятся с большим уважением, послушанием и заботой [19].

Однако впоследствии представители разных типов культур все равно усваивают одинаковые общекультурные ценности. Старость же рассматривается как этап, в котором люди не считают себя способными влиять на изменения в мире [8]. Именно поэтому пожилые люди в любой культуре большое внимание уделяют своему «Я», анализу и изменению собственной идентичности.

Теория идентичности предполагает прохождение трех возможных процессов идентификации в старости: «ассимиляции», «приспособления» и «баланса», чтобы с возрастом человек мог реально отражать и оценивать свое «Я» [16]. Суть процесса «ассимиляции» заключена в том, чтобы, сталкиваясь с когнитивными и социальными изменениями, пожилой человек мог сохранить ощущение себя и своей идентичности в соответствии с реальным возрастом и временем. «Приспособление» представляет собой процесс изменения идентичности, основанный на получении нового жизненного опыта. «Баланс идентичности» предполагает, что люди вносят изменения в свою идентичность, чтобы «включить» соответствующий возрасту опыт, но, тем не менее, сохраняют последовательное представление о себе. Ассимиляция и баланс идентичности защищают людей от пагубных последствий того, что они воспринимают себя стареющими в культуре, ориентированной на молодежь. Благодаря этим процессам люди могут поддерживать постоянное чувство собственного достоинства. Приспособление приводит к адаптации своей идентичности в соответствии с преобладающими культурными моделями и, следовательно, ведет к более негативному опыту старения [16].

Также сам процесс старения можно рассматривать как изменение представления человека о своем теле (т. е. наше физическое «я»: представления о красоте, здоровье, силе и т. д.), о своих психологических качествах (т. е. наше личное «я», показа-

тели нашего внутреннего возраста или самооценки) и о своих социальных отношениях (наше социальное «я», то есть представление о нашем месте в обществе, о нашей жизненной позиции и активности) [16].

Понятно, что по мере взросления у человека изменяется представление о самом себе и своем месте в обществе. Часто людям, которые чувствуют себя хорошо, не имеют проблем со здоровьем и занимают активную жизненную позицию, свойственна «юношеская возрастная идентичность», то есть их внутренний возраст зачастую намного моложе, чем биологический [16]. Этот процесс связан с тем, что социальные дискурсы обычно приравнивают молодость к таким ценным чертам, как независимость, экономическая продуктивность и полезность, а старение — к характеристикам, считающимся крайне негативными — зависимость и бесполезность [9].

Старение как любой другой этап жизни человека представляет собой процесс создания смысла. С возрастом люди усваивают нормы, ценности собственной культуры. На их основании они формируют свои цели, ценности и свою идентичность. Потребность создавать и поддерживать смысл — это базовая потребность человека [8]. Смыслы и практики культуры, организованные этими нормами и ценностями, составляют кросс-культурно расходящиеся модели идентичности [11].

Кризис идентичности и проблема старения

Старение часто связывают с процессом выхода на пенсию. Человек, выходящий на пенсию, должен сменить не только профессиональные интересы, но и культурные и досуговые [5]. Далеко не всегда этот процесс происходит плавно и безболезненно. В этой ситуации уместно говорить о наличии кризиса идентичности, степень которого при этом может различаться.

Согласно теории Э. Эриксона, автора термина «кризис идентичности», человек проходит 8 стадий взросления, на каждой из которых его ждет определенный конфликт [20]. В зрелом возрасте (после 64 лет) такой кризис связан с противоречием личной целостности и отчаянием (безысходностью), между желанием жить счастливо и достойно состариться и тревогой, связанной с ожиданием глубокой старости, потери автономии и смерти [5]. Обычно этот этап рассматривается как финальный этап жизни человека, и он мало привлекает внимания исследователей. Основная задача на этом этапе — получение мудрости как способа разрешения собственного кризиса. Смысл в том, что человек смотрит уже не вперед, а оглядывается назад и соотносит свои жизненные цели с достигнутыми результатами [20]. Соответственно, если мудрость не достигнута, если человек видит несоответствия в своей прожитой жизни, он испытывает кризис. Но если смотреть на данный этап только как на разбор «работы над ошибками», то в него невозможно вписать концепцию «активного старения», которая направлена на настоящее и будущее и понимает старость как лучшее время и время подъема, а не спада жизненного цикла [1].

Безусловно, изменения, которые происходят на этой стадии, касаются пересмотра своей идентичности. И как уже было отмечено, в первую очередь кризис идентичности можно ощутить с выходом на пенсию. На самом деле профессиональная идентичность — одна из базовых характеристик зрелой личности. Работа — это не только способ получения материального дохода. Работа — это способ самоидентификации, получения уважения и социального статуса. Часто бывают ситуации, когда человек внезапно лишается любимой работы (по причине достижения определенного возраста, проблем со здоровьем, сокращения штата и т. д.). Конечно, тут необходимо учитывать несколько факторов, таких как занимаемая должность, а также уровень влияния и вла-

сти. Понятно, что рядовому сотруднику будет легче справиться с выходом на пенсию, чем высокопоставленному должностному лицу. Кроме того, играет роль и уровень социальной активности, которую вел человек до выхода на пенсию. Интересен тот факт, что женщины справляются с таким кризисом обычно легче, чем мужчины, так как чаще всего они переключают свое внимание на уход за внуками или домашние дела [5]. Также, считается, что сельским жителям легче справляются с кризисом идентичности, чем горожанам, так как в сельской местности есть много занятий в своем дворе, огороде, саду, а жизнь горожан часто сводится к пребыванию в собственной квартире и посещению магазинов [5]. Таким образом, выход на пенсию не всегда является событием травмирующим, но одним из важнейших в вопросе кризиса идентичности.

Кроме кризиса профессиональной идентичности в этот период, можно говорить еще о кризисе, связанном с ощущением своего тела. Каждый человек, взрослея ощущает изменения, о которых говорит ему зеркало или ежегодный медицинский осмотр. Привыкание к новому «Я» обычно происходит постепенно. Но бывают и иные ситуации. Например, женщина работала моделью, и ее основным источником прибыли были молодость и красота. Осознать утрату этих качеств бывает далеко не просто. Или же, к примеру, спортсмен, который осознает утрату собственных сил, а проблемы со здоровьем мешают ему заниматься дальше любимым делом. Само отношение к старению собственного тела тоже имеют культурные различия. Так, например, для российской культуры характерно стремление как можно дольше сохранять молодость и красоту. В европейских культурах этому уделяют не такое большое значение.

Основным структурирующим фактором идентичности, с точки зрения многих исследователей проблемы старения, все-таки является семья и семейная жизнь, которая обеспечивает человеку социализацию, уровень экономической безопасности и эмоциональный комфорт [5]. Дело в том, что в молодости человек окружает себя друзьями, коллегами по работе, знакомыми и т. д. С выходом на пенсию у человека чаще всего остается только семья. И в данном случае тоже стоит учитывать различные варианты. Есть одинокие люди, которые с выходом на пенсию осознают свое одиночество и испытывают кризис. У многих людей дети и внуки живут далеко, что препятствует вовлечению в социальные роли бабушек / дедушек. Многие утрачивают близких людей и становятся вдовами / вдовцами. Все это разные грани кризиса идентичности в старости.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что пожилые люди тоже испытывают кризис идентичности. Однако его глубина и степень зависит от ряда факторов, одним из которых является уверенная жизненная позиция и поддержка близких. В этой ситуации большее значение приобретает и проблема угнетения, ущемления прав, которая не только усугубляет кризис, но и приводит к формированию новой формы идентичности — идентичности жертвы.

Эйджизм и идентичность жертвы

Современную культуру можно назвать культурой жертвы [6]. Люди все чаще думают о себе как о жертве, они все время жалуются и хотят, чтобы их жалели в ответ. И если в предыдущие периоды истории человек старался скрыть любую форму угнетения, которой он подвергался, стыдясь огласки, то сегодня огласка зачастую наоборот является самоцелью. Люди становятся нетерпимы ни к каким оскорблениям, они делают все достоянием общественности, им просто необходимо, чтобы их жалели публично [6]. Статус жертвы не подвергается сомнению при этом.

Но если для молодых людей — это новый способ социализации, самоутверждения, а иногда и достижения желаемых целей, то для людей пожилого возраста, такая

ситуация может приводить к реальному ущемлению прав и дискриминации. Если о правах людей по расовому признаку или признаку сексуальной ориентации говорят уже давно, то о правах пожилых людей практически нет исследований. А тем не менее пожилым людям в информационном обществе намного сложнее бороться за свои права.

В 60-е гг. XX в. в научный обиход Роберт Батлер ввел термин «эйджизм», который понимается как дискриминация людей из-за их возраста (чаще всего речь идет именно о старости) [12].

Значительное снижение социального и культурного статуса наблюдается у пожилых людей в течение последнего столетия в результате индустриализации и модернизации. Действительно, индустриальная эпоха, а затем и постиндустриальная, с ее технологическими достижениями и ролью информации, увеличили потребность людей в быстрой и эффективной работе, постоянному обучению для того, чтобы оставаться конкурентоспособными [12]. Конечно, концепция активного старения выступает как раз за возможность и даже необходимость работы в пожилом возрасте. Но по факту пожилым людям намного сложнее в современной культуре соревноваться с молодыми и перспективными сотрудниками.

В первой половине XX в. знаменитый антрополог Маргарет Мид описала ситуацию современного общества как период перехода к префигуративной культуре, в которой взрослые больше не выступают хранителями мудрости и знаний, без которых невозможна жизнь общества в целом [17]. Сегодня взрослые учатся у детей, которые легко и быстро осваивают новации. Пожилые люди никогда не были молодыми в современной информационной культуре и не имели того опыта, которым они могли бы поделиться [17]. Суть этой ситуации заключена в огромном разрыве между поколениями, с которым общество не сталкивалось ранее. Такой разрыв является всеобщим для населения всего мира. Мир будущего никому не известен, но молодые чувствуют себя в нем намного комфортнее пожилых. Утрата особого статуса пожилого человека как мудреца и хранителя знаний приводит к появлению различных форм дискриминации.

Концепция активного старения с одной стороны сглаживает неравенство, позволяя пожилым людям оставаться активными членами общества на одном уровне с молодыми, но тем самым еще больше показывает приоритет и возможности молодости [1].

Культурные аспекты действительно изменяют подход к анализу старения и, следовательно, то, каким будет пожилой человек и как он будет реализовывать себя во многом зависит от культуры. Возможность успешного старения зависит от нескольких факторов, таких как история жизни, поддержка семьи и то, как каждый из нас сам понимает процесс старения [3].

Действительно, представление о старении является социальным конструктом. Именно общество навязывает нам те или иные представления о старении. Например, связь старения и выхода на пенсию, или связь старения и седых волос, проблем со здоровьем или приближением смерти. Стоит отметить, что, считая пожилых людей относительно неактивными и зависимыми от других, общество само часто навязывает пожилым людям социальную изоляцию, не признавая их активность [15]. В свою очередь такой подход приводит не только к формированию кризиса идентичности, но и в целом к ущемлению прав и свобод по принципу возраста.

Точно так же, как свобода от дискриминации по признаку пола, расы или этнической принадлежности считается гражданским правом, так и свобода от дискриминации по признаку эйджизма должна рассматриваться как вопрос прав человека.

Политика идентичности — это один из способов борьбы за свои права в современном обществе. Жертва придала политике идентичности моральный авторитет [21].

Социальные и политические движения, которые до сих пор были привержены делу освобождения и социальных преобразований, начали воспринимать и представлять себя группами жертв, чтобы получить желаемые права.

Одной из наименее заметных, но наиболее значимых черт нынешней фазы политики идентичности является ее тенденция к фрагментации и индивидуализации. Наблюдается растущая тенденция к увеличению числа идентичностей и сепаратизму [21]. В своей нынешней форме политика идентичности направляет свою энергию не столько на получение признания и уважения, как это было в предыдущие эпохи, сколько на требование безопасных пространств и защиты от возможной микроагрессии [21].

Общественные группы могут привлекать больше одиноких пожилых людей, активно поддерживая их предпочитаемую и социально ценную идентичность. Такая идентичность может поддерживаться и за счет предоставления образовательных и волонтерских возможностей, которые позволяют пожилым людям развивать продуктивные, социально значимые роли, ориентированные на другие области, такие как духовность, эмоциональный рост, художественное творчество или искусство [9]. Возможно, избавляя людей от невозможного ожидания вечной молодости и предоставляя альтернативные средства для создания положительной идентичности, общественные группы могут увеличить свое взаимодействие с пожилыми людьми, одновременно борясь с эйджизмом [9].

Роль культуры участия в построении идентичности

Старение зачастую недооценивается обществом. Тем не менее, старение населения воспринимается как серьезная проблема для стран, стремящихся обеспечить безопасность и благополучие своего пожилого населения [7].

Концепция активного старения отводит большое место проблеме участия пожилых людей. Однако представление о социальном участии также может различаться в разных культурах. Неоднозначность понятия социального участия настолько велика, что некоторые авторы используют такие термины, как: социальная интеграция, социальная активность, культура участия или культурная вовлеченность.

Отсутствие однозначно трактуемого термина представляет определенную проблему. Так большинство западных исследований сводит проблему культуры участия к самой возможности заниматься искусством или к участию в волонтерских движениях. В то время как для российской практики понятие чаще воспринимается как некий повседневный опыт, включая и посиделки на скамейке, и возможность участвовать в кружках по интересам, и посещение культурных мероприятий в том числе.

Расширение участия пожилых людей в жизни общества имеет важное значение для политики старения во всем мире [14].

Мы разделяем подход, согласно которому культура участия воспринимается в противовес культуре потребления. В этом смысле участие — это не только и не столько возможность быть потребителем сферы культуры и искусства, а скорее возможность быть ее участником, творцом, создателем. Именно такое участие открывает новые возможности для формирования и сохранения идентичности.

Культура обеспечивает различные целевые состояния, такие как сходство с другими, приспособление, взаимное доверие и симпатия.

Как мы уже показали ранее, в западных странах, основанных на капиталистической экономике, статус пожилых людей обычно ниже, потому что в приоритете молодость и производительность труда [14]. В таком обществе люди часто пребывают во власти стереотипов, менее социально активны, более подвержены кризисным про-

цессам идентификации. В восточных странах, изначально ориентированных на приоритет и уважение старости, тоже происходят изменения. Развивающаяся экономика, резкий рост промышленности, технологий, приводит к росту городской культуры, связь между поколениями нарушается и роль пожилых людей утрачивает прежние ценности [14].

Культура участия или степень неучастия зачастую может отражать «самооценку, отношение к своему потенциалу и к окружающему миру...» [2, с. 36].

Кризис идентичности в пожилом возрасте действительно недостаточно изученная в научной литературе проблема. Тем не менее зачастую, именно проблемы с идентичностью могут выступать как один из факторов, мешающих людям вести активный образ жизни, общаться и развиваться дальше. Т. е. кризис идентичности можно рассматривать как одну из причин снижения социальной активности и неучастия в социальной и культурной жизни.

В отдельной литературе высказывается предположение, что сниженное социальное участие в пожилом возрасте может быть опосредовано идентичностью, т. е. представлениями о себе, которые индивидуумы получают из своего членства в группе [9]. Например, пожилой мужчина может не захотеть посещать группу, состоящую в основном из женщин, если это будет противоречить его мужской идентичности. Или, например, люди будут избегать групп для пожилых людей в случае, если они будут идентифицированы в ней как «старые» и, таким образом, подвергнуты стигматизации [9].

В последние годы, несомненно, растет интерес к той роли, которую культурное участие может играть в благополучии пожилых людей, чувстве связи с другими людьми, а также в процессе сохранения идентичности [18].

Участие в деятельности, составляющей нашу повседневную жизнь, является результатом индивидуального выбора, проникнутого ценностями, убеждениями и опытом, которые, в свою очередь, являются отражением культуры.

Участие — это не просто деятельность ради того, чтобы просто чем-то себя занять. Это способ влиять на свою жизнь, сохранять свою идентичность и свою социальную роль, улучшать условия своей жизни [14].

Стоит отметить, что культурная деятельность включает в себя не только высокую культуру, но и повседневную культуру, а также досуг [22].

Культурный сектор признан неотъемлемой частью общественной жизни. В последние годы растет интерес к той роли, которую культурное участие может играть в благополучии пожилых людей и чувстве связи с другими людьми [18].

Никто не оспорил тот факт, что культурные мероприятия могут стать инструментом уменьшения социальной изоляции пожилых людей. Сходить в кафе или в театр — это случаи, когда нам приятно находиться в компании других людей и укреплять отношения с друзьями, родственниками и знакомыми [15].

Культурное участие дает пожилым людям целый ряд положительных эмоциональных переживаний, заставляя их чувствовать себя счастливее и помогая им справляться с негативными жизненными событиями, такими, например, как тяжелая утрата. Взаимодействие с культурой также приводит к тому, что пожилые люди испытывают чувство удовлетворения и счастья благодаря возможности освоить новые навыки. Пожилые люди чувствуют себя связанными со своей идентичностью, а также имеют возможность формировать новые коллективной идентичности, что приводит к повышению уверенности и самооценки [18].

Культурная вовлеченность дает возможность пожилым людям решить многие свои проблемы, связанные с возрастными изменениями. Она предполагает активное

(например, занятие музыкой) или пассивное (например, посещение концерта) участие в культурной деятельности [13]. Исследователи отмечают, что стоит различать арт-терапию и культуру участия. Первая предполагает собой некое лечение или снятие определенных симптомов, вторая же предполагает улучшение самой жизни [13].

Кроме того, стоит обратить внимание на вклад пожилых людей в культурную вовлеченность. Они могут выступать в качестве участников тех или иных мероприятий, в качестве волонтеров или же в качестве самих организаторов [22].

Сегодня мы с уверенностью можем сказать, что многие пожилые люди борются за уважение, достоинство, уверенность, безопасность и хорошее качество жизни с целью обеспечения достойного места в культурной и социальной среде [4].

Выводы

В результате проведенного теоретического анализа мы пришли к следующим выводам:

1. Люди пожилого возраста испытывают проблемы, связанные с формированием новых форм идентичности и изменением самого процесса идентификации;
2. Глубина проблем, связанных с процессом идентификации в старости, во многом зависит от культурного контекста;
3. Пожилые люди также испытывают кризис идентичности, но его проявления могут быть глубже, а последствия опаснее, чем в подростковом возрасте;
4. У некоторых групп пожилых людей может быть сформирована идентичность жертвы;
5. Культура участия пожилых людей выступает механизмом, помогающим не только справиться с кризисом идентичности, но и сохранить целостность своего «Я» для дальнейшей активной жизни.
6. Культурные мероприятия могут стать инструментом уменьшения социальной изоляции пожилых людей. Участие в культурных мероприятиях — это способ понимания и уважения культурного разнообразия, сохранения социальной идентичности, защитный фактор когнитивных способностей, способствующий постоянной интеграции пожилых людей в общество, и помогающий им оставаться вовлеченными и информированными.
7. Культура участия может рассматриваться как форма активности, предполагающая создание нового, а не только потребление имеющихся культурных услуг и продуктов. Именно это и дает возможность пожилым людям сохранять свою идентичность, социальную роль и статус.

Полученные нами теоретические положения должны быть подкреплены эмпирическими исследованиями, которые предполагаются в дальнейшем.

Список литературы

Исследования

- 1 Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium*. 2020. № 12 (2). С. 187–211.
- 2 Куенко Т.С., Гнедышева И.Н. Люди старшего возраста и социальное участие: явные и скрытые формы, «слепые зоны» и трансформации в условиях пандемической и постпандемической реальности // *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2022. № 3 (46). С. 30–38.
- 3 Andrade de, Fábila Barbosa, Santos Ferreira dos, Tainara Lôrena, Pereira, Dídida de Oliveira, Araújo, Ingrid Katianne Marques, Assunção de, Joymara Railma

- Gomes, Silva, Isabelle Christine Fonsêca G.A., Santos Dutra dos, Jéssica Isabelle and Lima Cabral de, Aline.* Senior Citizens' Cultural Activity and Participation in Community Life // *Health*. 2015. Vol. 7. № 7. P. 859–864. <http://dx.doi.org/10.4236/health.2015.77101>
- 4 *Bernardo, Lilian Dias, Carvalho, Claudia Reinoso Araújo de.* The role of cultural engagement for older adults: an integrative review of scientific literature // *The Brazilian Journal of Geriatrics and Gerontology*. 2020. Vol. 23. № 6. URL: <http://dx.doi.org/10.1590/1981-22562020023.190141> (дата обращения: 20.03.2023).
- 5 *Bódi, Diana-Cristina.* The third age identity crisis — truth or dare // *Bulletin of the Transilvania University of Braşov. Series VII: «Social Science»*. 2012. Vol. 5 (54). № 2. P. 121–126.
- 6 *Campbell, Bradley., Manning, Jason.* Microaggression and Moral Cultures // *Comparative Sociology*. 2014. Vol. 13. № 6. P. 692–726.
- 7 *Dehi, Aroogh Manijeh., Mohammadi Shahboulaghi, Farahnaz.* Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis // *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*. 2020. Vol. 8. № 1. P. 55–72 DOI: 10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055
- 8 *Fung, Helene H.* Aging in Culture // *The Gerontologist*. 2013. Vol. 53. Issue 3. P. 369–377. <https://doi.org/10.1093/geront/gnt024>
- 9 *Goll, Johanna C., Charlesworth, Georgina, Scior, Katrina, Stott, Joshua.* Barriers to Social Participation among Lonely Older Adults: The Influence of Social Fears and Identity // *PLoS ONE*. 2015. № 10 (2): e0116664 DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0116664>
- 10 *Kaufman, Sharon.* Cultural Components of Identity in Old Age: A Case Study // *Ethos*. 1981. Vol. 9. № 1. P. 51–87.
- 11 *Kitayama, Shinobu, Berg, Martha, Chopik, William.* Culture and Wellbeing in Late Adulthood: Theory and Evidence // *American Psychologist*. 2020. № 75 (4). P. 567–576. DOI: 10.1037/amp0000614.
- 12 *Lev, Sagit, Wurm, Susanne, Ayalon, Liat.* Origins of Ageism at the Individual Level / *Contemporary Perspectives on Ageism*, editor Cham Springer Nature // *International Perspectives on Aging*. 2018. Vol. 19. P. 51–72.
- 13 *Roberts, Penny.* Interdisciplinary Aspects of Cultural Engagement in Older Adults: Who / What / Why / When / How // *Crossroads of Music and Wellness*. 2019. № 3. URL: <https://remix.berklee.edu/mh-exchange-music-wellness/3> (дата обращения: 29.03.2023).
- 14 *Setterlund, Deborah, Tilse, Cheryl, Worall, Linda., Hickson, Louise., Wilson, Julian.* Participation and Older People: Meaning, Theory and Practice // *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*. 2002. № 12 (2). P. 44–49. DOI: 10.1080/21650993.2002.9755899
- 15 *Toepoel, Vera.* Cultural participation of older adults: Investigating the contribution of lowbrow and highbrow activities to social integration and satisfaction with life // *International Journal on Disability and Human Development*. 2011. № 10 (2). P. 123–129. DOI: 10.1515/ijdh.2011.027
- 16 *Westerhof, Gerben J, Whitbourne, Susan Krauss, Freeman, Gillian P.* The Aging Self in a Cultural Context: The Relation of Conceptions of Aging to Identity Processes and Self-Esteem in the United States and the Netherlands // *The Journals of Gerontology*. Series: «B». 2012. Vol. 67B. Issue 1. P. 52–60. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr075>

Источники

- 17 *Mud M.* Культура и мир детства: избр. произведения / [пер. с англ. и коммент. Ю.А. Асеева; сост., авт. послесл., с. 5–30, и отв. ред. И.С. Кон]. М.: Наука, 1988. 429 с.
- 18 Centre for Cultural Value // Home — Centre for Cultural Value. URL: <https://www.culturalvalue.org.uk/> (дата обращения: 05.04.2023).
- 19 Columbia Health Systems Center for Healthy Aging / Colorado state University // Home — Centre for Cultural Value. URL: <https://www.research.colostate.edu/healthyagingcenter/> (дата обращения: 05.04.2023).
- 20 *Erikson, Erik H.* Childhood and society. 2nd ed. New York: Norton, 1963. 445 p.
- 21 *Furedi, Frank.* The hidden history of identity politics // The hidden history of identity politics — spiked. URL: <https://www.spiked-online.com/2017/12/01/the-hidden-history-of-identity-politics/> (дата обращения: 10.10.2020).
- 22 *Tingle Alison Jane.* Cultural activities for older adults: An ethnography in an age-friendly city: PhD thesis. Manchester, 2021. URL: <https://e-space.mmu.ac.uk/id/eprint/628791> (дата обращения 29.03.2023).

***

© 2024. Elena A. Blagorodova
Rostov-on-Don, Russia

**THE CULTURE OF SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER PEOPLE
AS A WAY OF EXPRESSING AND PRESERVING IDENTITY**

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00134 (Available at: <https://rscf.ru/en/project/23-28-00134/>) “SOCIAL PARTICIPATION OF OLDER PEOPLE IN RUSSIAN REGIONS IN THE POST-PANDEMIC PERIOD” at Southern Federal University.

Abstract: The study deals with the urgent problem of aging, which is considered not as a biological, but as a socio-cultural process. The purpose of this paper is to explore the role of identification process in old age. The author examines the role of culture and its influence on identity. The difference in cultural archetypes is reflected in the understanding of the concept of aging. The paper shows that an elderly person is facing an identity crisis. The cultural context, gender, place of residence, family, and nature of work affect the presence and depth of this crisis and, as a result, the very activity of a person in old age. The analysis of the modern concepts of “active aging” demonstrates the need for further consideration of this topic. The author addresses the issue of the formation of identity of the “victim” as one of the forms of ageism in modern culture. The study concludes that a culture of participation may act as a tool enabling older people to express and preserve their identity, as well as to avoid crisis and the formation of the victim's identity. The author consider the culture of participation as an opportunity to be a contributor and creator of culture, not just its consumer.

Keywords: Aging, Older People, Culture, Culture Participation, Cultural Involvement, Identity, Identity Crisis, Ageism, Identity of Victim.

Information about the author: Elena A. Blagorodova — PhD in Philosophy, Associate Professor, The Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics at the Institute of

Philosophy and Social and Political Studies, Southern Federal University, Dneprovsky per. 116, 344064 Rostov-on-Don, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7232-2795>

Email: eablagorodova@sfedu.ru

Received: June 5, 2023

Approved after reviewing: March 14, 2024

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Blagorodova, E.A. “The Culture of Social Participation of Older People as a Way of Expressing and Preserving Identity.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 64–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-64-76>

References

- 1 Grigor'eva I., Bogdanova E. “Kontseptsiiia aktivnogo stareniiia v Evrope i Rossii pered litsom pandemii COVID-19” [“The Concept of Active Aging in Europe and Russia in the Face of the COVID-19 Pandemic”]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniï*, no. 12 (2), 2020, pp. 187–211. (In Russ.)
- 2 Kienko T.S., Gnedysheva I.N. “Liudi starshego vozrasta i sotsial'noe uchastie: iavnye i skrytye formy, ‘slepye zony’ i transformatsii v usloviïakh pandemicheskoi i postpandemicheskoi real'nosti” [“Older People and Social Participation: Explicit and Hidden Forms, ‘Blind Spots’ and Transformations in the Context of Pandemic and Post-pandemic Reality”]. *Vektory blagopoluchiiia: ekonomika i sotsium*, no. 3 (46), 2022, pp. 30–38. (In Russ.)
- 3 Andrade de, Fábïa Barbosa, Santos Ferreira dos, Tainara Lôrena, Pereira, Dídïa de Oliveira, Araújo, Íngrid Katianne Marques, Assunção de, Joymara Railma Gomes, Silva, Isabelle Christine Fonsêca G.A., Santos Dutra dos, Jéssica Isabelle and Lima Cabral de, Aline. “Senior Citizens’ Cultural Activity and Participation in Community Life.” *Health*, vol. 7, no. 7, 2015, pp. 859–864. <http://dx.doi.org/10.4236/health.2015.77101> (In English)
- 4 Bernardo, Lilian Dias, Carvalho, Claudia Reinoso Araújo de. “The Role of Cultural Engagement for Older Adults: an Integrative Review of Scientific Literature.” *The Brazilian Journal of Geriatrics and Gerontology*, vol. 23, no. 6, 2020. Available at: <http://dx.doi.org/10.1590/1981-22562020023.190141> (Accessed 20 March 2023). (In English)
- 5 Bódi, Diana-Cristina “The Third Age Identity Crisis — Truth or Dare.” *Bulletin of the Transilvania University of Braşov*, Series VII: “Social Science”, vol. 5 (54), no. 2, 2012, pp. 121–126. (In English)
- 6 Campbell, Bradley, Manning, Jason. “Microaggression and Moral Cultures.” *Comparative Sociology*, vol. 13, no. 6, 2014, pp. 692–726. (In English)
- 7 Dehi, Aroogh Manijeh., Mohammadi Shahboulaghi, Farahnaz “Social Participation of Older Adults: A Concept Analysis.” *International Journal of Community Based Nursing and Midwifery*, vol. 8, no. 1, 2020, pp. 55–72 DOI: 10.30476/IJCBNM.2019.82222.1055 (In English)
- 8 Fung, Helene H. “Aging in Culture.” *The Gerontologist*, vol. 53, issue 3, 2013, pp. 369–377. <https://doi.org/10.1093/geront/gnt024>(In English)
- 9 Goll, Johanna C., Charlesworth, Georgina, Scior, Katrina, Stott, Joshua “Barriers to Social Participation among Lonely Older Adults: The Influence of Social Fears and Identity.” *PLoS ONE*, no. 10 (2): e0116664, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0116664> (In English)

- 10 Kaufman, Sharon. “Cultural Components of Identity in Old Age: A Case Study.” *Ethos*, vol. 9, no. 1, 1981, pp. 51–87. (In English)
- 11 Kitayama, Shinobu, Berg, Martha, Chopik, William “Culture and Wellbeing in Late Adulthood: Theory and Evidence.” *American Psychologist*, no. 75 (4), 2020, pp. 567–576. DOI: 10.1037/amp0000614 (In English)
- 12 Lev, Sagit, Wurm, Susanne, Ayalon, Liat. “Origins of Ageism at the Individual Level / Contemporary Perspectives on Ageism, editor Cham Springer Nature”. *International Perspectives on Aging*, vol. 19, 2018, p. 51–72. (In English)
- 13 Roberts, Penny “Interdisciplinary Aspects of Cultural Engagement in Older Adults: Who / What / Why / When / How.” *Crossroads of Music and Wellness*, no. 3. 2019. Available at: <https://remix.berklee.edu/mh-exchange-music-wellness/3> (Accessed 29 March 2023). (In English)
- 14 Setterlund, Deborah, Tilse, Cheryl, Worall, Linda., Hickson, Louise., Wilson, Julian. “Participation and Older People: Meaning, Theory and Practice.” *Asia Pacific Journal of Social Work and Development*, no. 12 (2), 2002, pp. 44–49. DOI: 10.1080/21650993.2002.9755899 (In English)
- 15 Toepoel, Vera “Cultural Participation of Older Adults: Investigating the Contribution of Lowbrow and Highbrow Activities to Social Integration and Satisfaction with Life.” *International Journal on Disability and Human Development*, no. 10 (2), 2011, pp. 123–129. DOI: 10.1515/ijdh.2011.027 (In English)
- 16 Westerhof, Gerben J, Whitbourne, Susan Krauss, Freeman, Gillian P. “The Aging Self in a Cultural Context: The Relation of Conceptions of Aging to Identity Processes and Self-Esteem in the United States and the Netherlands.” *The Journals of Gerontology*, Series: “B”, vol. 67B, issue 1, 2012, pp. 52–60. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbr075> (In English)